

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81'373

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

Белов В. А.

**Когнитивные основания лексической синонимии
имен существительных**

Череповецкий государственный университет
пр. Луначарского, 5, Череповец, 162600, Россия
E-mail: belov.vadim.a@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-4173-2000

*Статья поступила 06 февраля 2022 г.; принята 23 мая 2022 г.;
опубликована 30 июня 2022 г.*

Аннотация. Актуальность настоящей работы связана с необходимостью изучения когнитивных оснований лексической синонимии существительных, благодаря которым формируется семантическая близость между синонимами для носителей языка. Большинство работ, посвященных синонимии, выполнено в рамках системоцентрического подхода. Настоящее исследование призвано решить данную проблему: синонимия изучается в антропоцентрическом и когнитивном аспектах, что позволяет пересмотреть традиционный подход. Цель работы – описание когнитивных оснований синонимической близости имен существительных русского языка, относящихся к разным разрядам. Материалом исследования являются: 1) результаты эксперимента по подбору синонимов и эксперимента на толкование слов, в которых в совокупности участвовало 426 человек; 2) данные «Национального корпуса русского языка»; 3) словари русского языка разного типа; 4) публикации в средствах массовой информации. Гипотезой исследования, подтвердившейся в результате работы, является предположение, что логическое и ситуативное основания формируют семантическую близость в лексиконе носителя языка. *Логическое основание* рассматривает близость синонимов как результат совпадения большей части семантических компонентов, которые определяются с помощью логических процедур: синонимы имеют одни и те же ядерные компоненты. Данное основание синонимии характерно преимущественно для конкретных имен существительных. *Ситуативное основание* предполагает, что способность синонимов выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации формирует семантическую близость синонимов. Данное основание опирается на широкое понимание ситуации как фрагмента действительности или сцены, в которой различные объекты (люди, предметы, непредметные сущности) находятся в определённых отношениях. Ситуативное основание реализуется, прежде всего, для абстрактных имен существительных и наименований лиц. Выделенные основания не всегда можно четко дифференцировать, особенно для многозначных слов. В зависимости от разряда существительных и коммуникативной стратегии носитель языка может

детализировать смысл с помощью синонимов или нейтрализовать различия между синонимами.

Ключевые слова: Лексическая синонимия; Семантическая близость; Имя существительное; Лексикон носителя языка

Информация для цитирования: Белов В. А. Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 3-23. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

UDC 81'373

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

Vadim A. Belov

Cognitive bases of lexical synonymy of nouns

Cherepovets State University
5 Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russia
E-mail: belov.vadim.a@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-4173-2000

Received 06 February 2022; accepted 23 May 2022; published 30 June 2022

Abstract. The pertinence of this work stems from the need to study the cognitive bases of lexical synonymy of nouns, through which the semantic proximity between synonyms is formed for native speakers. Most of the works devoted to synonymy have been carried out within the framework of the systemocentric approach. This study tries to solve the problem: it studies synonymy in anthropocentric and cognitive aspects and it allows revising the traditional approach. The article aims to describe the cognitive bases of the synonymous similarity of different categories of Russian nouns. The linguistic materials for research are: 1) two psycholinguistic experiments (426 participants); 2) Russian National Corpus; 3) Russian dictionaries; 4) publications in the media. In the first experiment, subjects suggested synonyms for the stimuli; in the second experiment native speakers explained the meaning of the stimuli. The hypothesis is that logical and situational foundations create semantic proximity in the native speaker's lexicon. The research has shown that the hypothesis was confirmed. According to the logical basis, the semantic similarity of synonyms is the result of the coincidence of most of the semantic components identified by using logical procedures: synonyms have the same core semantic components. This base is typical for object nouns. For situational basis, the semantic proximity is associated with the ability of synonyms to express similar situations from the point of native speaker's view. The situation is understood broadly as a fragment of reality (scene) in which objects – people, objects, non-objective entities – are in certain relationships with each other. This basis is realized primarily for abstract nouns and personal names. The distinguished bases cannot always be clearly distinguished, especially for polysemantic words. Depending on the category of nouns and communicative strategy a native speaker can refine the meaning, using synonyms, or neutralize the differences between synonyms.

Keywords: Lexical synonymy; Noun; Semantic relations; Mental lexicon

How to cite: Belov, V. A. (2022). Cognitive bases of lexical synonymy of nouns, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 3-23. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1

Введение

Проблема синонимии – ключевой вопрос лексической семантики: лингвистические направления предлагают различные подходы к синонимии, основанные на определенном понимании лексического значения и природы семантических связей. Изучение синонимии во многом стимулируется потребностью создания словарей.

Попытаемся выделить ключевые подходы к синонимии, представленные в научной литературе и в некоторых случаях реализованные при составлении словарей синонимов.

Первый подход, который можно назвать денотативным, предусматривает, что синонимами становятся слова, обозначающие одно явление действительности (см., например, работы (Клюева, 1954; Палевская, 1964; Песина, 2011)). Однако только относительно небольшая часть слов имеет предметную отнесенность. **Второй подход** предполагает тождество лингвистического значения синонимов. При этом возможно полное совпадение семантических и дополнительных (экспрессивных, стилистических) характеристик слова (Лагутина, 1967), или совпадение только основной информации (Григорьева, 1959), или совпадение отдельных лексико-семантических значений слова (Бережан, 1967). Однако большинство синонимов не являются абсолютными, иными словами, для них характерно избыточное с точки зрения языка тождество значения (Clark, 1987; Danglli, Abazaj, 2009).

Наиболее распространенным в системоцентрической лексикологии и лексикографии стал **третий подход**, связанный с близостью значения синонимов (Брагина, 1986; Евгеньева, 1966; Новиков, 1982; Черняк, 1992; Cruse, 1986). Синонимы в этом случае «служат для детализации и различения тонких смысловых оттенков

понятия или выражения экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» (Евгеньева, 1966: 29). Различия между синонимами иногда связываются с функциональными особенностями (Cruse, 1990; Murphy, 2002; Xiao, Mcenery, 2006).

Неудовлетворенность подходом к синонимии, основанном на близости значения, способствовала развитию **четвертого подхода**, отраженного в работах Ю. Д. Апресяна конца XX века. Итоговое для него понимание синонимии, положенное в основу Нового объяснительного словаря синонимов русского языка, касается семантических и прагматических особенностей лексем: «Лексемы называются синонимами, если (1) они имеют одинаковую актантную структуру, (2) их метаязыковые толкования имеют большую совпадающую часть, совпадающая часть содержит (3) ассертивную часть значений и (4) обязательно главный компонент ассерции, (5) когда главный компонент ассерции – оператор, то совпадают подчиненные предикаты» (Апресян, 2009: 221). В целом для этой концепции характерны строгий лингвистический инструментарий и подробное толкование значения синонимов. Однако такое понимание синонимии, прежде всего, ориентировано на профессиональных лингвистов, а не на обычных носителей языка (см. также подробно (Апресян, 1992)). К тому же ставится под сомнение психическая релевантность описанного подхода: носители языка в речевой деятельности, по всей видимости, не используют подобные процедуры (Kasevich, 1997). В зарубежной лингвистике схожий подход представлен в работах Дж. Лайонза (Lyons, 1995).

Параллельно с перечисленными подходами развиваются и другие точки зрения на синонимические отношения, основанные на взаимозаменяемости

синонимов и их дистрибуции. **Пятый подход** рассматривает в качестве критерия синонимии взаимозаменяемость: синонимами становятся слова, способные заменять друг друга в любом контексте без заметного изменения смысла. Это понимание синонимии получило достаточно широкое распространение в отечественной и зарубежной лингвистике (см., например, работы (Звегинцев, 1963; Черемисина, 2004; Murphy, 2002; Greenbaum, 1974; Reiter, Sripada, 2004; Jackson, 1988)). Однако взаимозаменяемость синонимов не может выступать в качестве основной критерии синонимии, прежде всего из-за наличия в языке большего количества устойчивых сочетаний, которые ограничивают свободу синонимических замен.

В рамках **шестого подхода** акцентируется тождественное контекстуальное окружение: синонимы употребляются в одинаковых контекстах. Подобное определение позволяет формализовать процедуру определения синонимов: современные вычислительные системы, базирующиеся на большом массиве данных, позволяют выделить семантически близкие слова на основе анализа контекстов (Князева, 2008; Edmonds, Hirst, 2002; Inkpen, Hirst, 2006). При этом этот подход часто используется как технический прием, потому что он не способен объяснить природу семантических связей (Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая, 2013: 24). Усилению этого подхода способствует развитие информационных технологий, позволяющих провести автоматизированный расчет сочетаемости слов и определить степень семантической близости (Edmonds, Hirst, 2002; Inkpen, Hirst, 2006; Hirst, Wang, 2010; Sparck Jones, 1964).

Седьмой подход, связанный с усилением антропоцентрической парадигмы в лингвистике, рассматривает синонимию как явление внутреннего лексикона человека, где синонимами становятся слова, обладающие семантической близостью с точки зрения носителя языка (Залевская, 2005; Глазанова, Штерн, 1996; Лебедева, 1999; Стернин, 2015). Однако конкретные

механизмы, благодаря которым формируются синонимические отношения в лексиконе, пока остаются дискуссионными. Так, в исследовании С. В. Лебедевой показано, что семантическая близость основывается на восприятии значения как акта переживания (Лебедева, 1999), но это положение требует дальнейшего научного описания. В рамках этого подхода обсуждается расширение традиционных рамок синонимии, выделение словарных и контекстуальных (ситуативных, речевых, узуальных) синонимов (Иванова, 2006; Новиков, 1982; Черняк, 1992; Murphy, 2002; Recanati, 2008; Zapico, Vivas, 2015; Zeng, 2007).

Цель работы

Целью настоящей работы является описание когнитивных оснований синонимической близости имен существительных (ИС) русского языка. При этом синонимия понимается, прежде всего, как когнитивное явление. Исследование направлено на более детальное изучение оснований синонимии, которые использует носитель языка в речевой деятельности и которые предполагают семантическое сближение слов. Актуальность работы связана с тем, что изучение этой проблемы в антропоцентрическом и когнитивном аспектах позволяет пересмотреть традиционный подход к синонимии и представленности синонимических рядов в словарях.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования выступили несколько источников: во-первых, результаты двух направленных ассоциативных экспериментов, в которых приняло участие 426 человек; во-вторых, сведения «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ); в-третьих, материалы словарей русского языка, в том числе словарей синонимов (СС); в-четвертых, публикации в средствах массовой информации (схема 1).

В первом эксперименте по подбору синонимов испытуемым (260 человек) предлагали определить синонимы для 20 стимулов. Эксперимент проводился в три этапа: на каждом этапе использовалась

стимульная таблица. Участниками эксперимента стали студенты университета разных специальностей в возрасте от 18 до 37 лет, в том числе 35 испытуемых мужского пола, 195 участников – женского пола, 30 человек не указали свой пол. В качестве стимулов выступили ИС разных лексико-грамматических разрядов: 17 конкретных ИС, 12 наименований лиц (в составе конкретных ИС выделена группа ИС, называющих людей по различным признакам), 32 абстрактных ИС. Полученные реакции в дальнейшем сравнивались с синонимическими рядами в СС.

Схема 1. Источники исследования
Figure 1. Research sources

Во втором эксперименте на толкование слов приняло участие 166 человек. Испытуемыми выступили студенты университета негуманитарных специальностей в возрасте от 18 лет до 21 года, в том числе 63 участника мужского пола, 93 –

женского пола, 8 испытуемых не указали пол. Эксперимент проводился в два этапа с использованием двух стимульных таблиц: на первом этапе эксперимента анкета включала 20 слов-стимулов, а на втором – 22 стимула. Стимулы, предъявляемые испытуемым, относились к разным разрядам ИС: 12 абстрактных ИС, 16 конкретных ИС, 4 наименований лиц, 3 вещественных ИС и 3 собирательных ИС.

Оба эксперимента проводились в письменном виде, в учебной аудитории университета; время на выполнение задания не ограничивалось. В задачи экспериментов входила экспликация семантических отношений, существующих в лексиконе носителя языка. Гипотезой исследования является предположение, что для носителя языка оказываются значимыми логическое и ситуативное основания семантической близости. Логическое основание предполагает, что в значениях синонимов совпадает большая часть семантических компонентов (называемых признаками или семами), которые выделены с помощью логических процедур. Способность слов выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации связана с ситуативным основанием семантической близости.

Результаты исследования

Представление выводов исследования начнем с анализа результатов эксперимента по подбору синонимов и их сопоставления со словарными синонимическими рядами.

Прежде всего, рассмотрим состав синонимических рядов с количественной и качественной точек зрения. Первый вывод, который можно сделать, касается длины синонимических рядов: в словарях представлено меньшее количество синонимов по сравнению со списком реакций эксперимента. Для расчета средней длины словарного синонимического ряда использовался СС под редакцией А. П. Евгеньевой¹, а для оценки средней длины ряда в эксперименте учитывались только неединичные реакции. Наибольшее

¹ Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971.

количественное расширение характерно для конкретных и абстрактных ИС; см.

количественные результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Средняя длина синонимических рядов в словаре синонимов и эксперименте
Table 1. The average length of synonymic groups in the synonymic dictionary and the experiment

Разряд имени существительного	Средняя длина в словаре синонимов	Средняя длина в эксперименте по подбору синонимов
Конкретные имена существительные	2,6	11
Абстрактные имена существительные	3,5	10
Наименования лиц	3,5	4

Важно, что длина синонимического ряда в словаре зависит от принципов составления издания. В отечественной лексикографии представлены СС, основанные на разнообразных подходах к синонимии. Так, наиболее широкие синонимические ряды содержатся в словарях Н. Абрамова² и А. Ю. Кожевникова³, где применяется нестрогий подход к синонимии: средняя длина синонимического ряда ИС в первом словаре составляет 13 единиц, а во втором – 11. Более строгий и формализованный подход к синонимии, реализованный в основных СС русского языка, приводит, напротив, к ограничению выбора семантически близких слов: средняя длина ряда ИС в словаре под редакцией Л. Г. Бабенко⁴ составляет 6,8 слова, в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой⁵ – 3,9 слова, в Новом объяснительном словаре синонимов

русского языка⁶ – 3 слова. Однако, несмотря на различия реализуемых в словарях подходов и соответственно разной длины синонимических рядов, синонимические связи в лексиконе носителя языка оказывается более широкими.

Далее был проведен качественный анализ словарных синонимических рядов с помощью сопоставления с результатами эксперимента по подбору синонимов, что позволило выявить центральную и периферийную части ряда. Исходным допущением сравнения стало предположение, что наибольшей семантической близостью обладают доминанта и синонимы, находящиеся на первых позициях в синонимическом ряду, а в эксперименте высокой степенью семантической близости обладают стимул и наиболее частотные реакции. Для сравнения были выделены *опорные синонимы*, которые входят в ядро (центральную часть) синонимического словарного ряда. Опорными назывались синонимы, если они, во-первых, представлены в большинстве СС; во-вторых, занимают первые позиции в словарном синонимическом ряду; в-

² Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 176 с.

³ Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: В 2-х томах. СПб: ОЛМА Медиа Групп, 2003.

⁴ Современный словарь русского языка. Синонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 829 с.

⁵ Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971.

⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.

третьих, обладают неминимальной языковой частотностью (был установлен минимальный порог частотности – более 500 употреблений словоформы в НКРЯ). Последний критерий нужен для того, чтобы исключить низкочастотные лексемы, которые не употребляются в современной речи. Например, в ряду *еда, яства, пища, корм* опорными синонимами стали слова *еда* и *пища*, так как они присутствуют на первых позициях во всех словарях, обладают высокой частотностью. В то же время периферийные синонимы *харч, харчи, жратва, шамовка* представлены не во всех СС, и они низкочастотны в современной речи.

С помощью сравнения списка опорных синонимов с результатами эксперимента были выделены три группы в соответствии с наиболее частотными реакциями в эксперименте (такая формулировка позволяет избежать повтора): 1) опорные синонимы; 2) словарные синонимы, но которые не являются опорными; 3) несловарные синонимы. Каждый стимул был отнесен к определенной группе. В таблице 2 представлено распределение по выделенным группам стимулов, задействованных в эксперименте по подбору синонимов.

Таблица 2. Распределение разрядов имен существительных по выделенным группам
Table 2. Distribution of categories of nouns in selected groups

Разряд имен существительных	Наиболее частотные реакции эксперимента		
	Опорные синонимы	Словарные синонимы, но не опорные	Несловарные синонимы
Конкретные имена существительные	9 (60 %)	2 (13 %)	4 (27 %)
Абстрактные имена существительные	13 (44 %)	5 (18 %)	11 (38 %)
Наименования лиц	9 (82 %)	1 (9 %)	1 (9 %)
Вещественные имена существительные	2 (50 %)	0	2 (50 %)
ВСЕГО	33	8	18

В первую группу отнесено 33 примера-стимула (55 % от общего количества стимулов в эксперименте). Например, при предъявлении стимула *судьба* испытуемые представили синонимические реакции *фортуна* (22 ответа, 17 %), *предназначение* (16 ответов, 13 %), *рок* (14 ответов, 11 %), *жизнь* (11 ответов, 9 %). При этом опорными синонимами являются слова *судьба, фортуна, рок*, которые можно найти во всех СС на первых позициях. При этом в списке реакций отмечаются и несловарные синонимы – *предназначение, жизнь*. Во вторую группу определено 8 (13 %)

стимулов. Так, на стимул *ложь* реакциями стали слова *враньё* (54 ответа, 39 %), *неправда* (35 ответов, 25 %), *обман* (31 ответ, 22 %). Два опорных синонима – *обман* и *неправда* – представлены в списке реакций, однако лидирует синоним *враньё*, который не является опорным и который имеет помету *разговорное* в словаре: он зафиксирован не во всех словарях и занимает в словарных рядах периферийное место. К третьей группе отнесено 18 (30 %) стимулов. Реакциями на стимул *прихоть* стали слова *желание* (75 ответов, 59 %), *каприз* (20 ответов, 16 %), *причуда* (5 ответов, 4 %). Наиболее частотная

реакция *желание* не представлена как синоним ни в одном словаре синонимов. При этом слова *прихоть* и *желание* обладают сильной семантической связью; однако слово *желание* имеет более широкое значение, являясь доминантой более высокого уровня для слова *прихоть*.

Если проанализировать итоги этого сопоставления в аспекте лексико-грамматических разрядов ИС, то можно сделать вывод, что для конкретных ИС и наименований лиц характерно наибольшее совпадение состава словарных синонимических рядов и результатов эксперимента. Большая часть стимулов этих разрядов отнесены к первой выделенной группе. При этом для абстрактных ИС свойственны значительные расхождения словарного синонимического ряда и результатов эксперимента, так как большинство этих ИС относится ко второй и третьей группам. В этом эксперименте было представлено всего 4 стимула-вещественных ИС, из них два стимула были отнесены в первую группу, а другие два стимула – в третью.

Расширение синонимических рядов **конкретных ИС** происходит, прежде всего, за счет гипонимов и гиперонимов. Например, ряд *лошадь, конь*, дополняется словами *кобыла* (25 реакций, 20 %), *жеребец* (8 реакций, 6 %); *парнокопытное* (4 реакции; 3 %); *животное* (3 реакции, 2 %). Представленные реакции-гипонимы могут быть синонимичными во многих контекстах: так, слова *кобыла* и *жеребец* часто оказываются взаимозаменяемы в высказываниях: см. примеры (1-2).

(1) *А надо пояснить, что в нашу столовку с пристани все продукты физрук возил на лошади, и весь день эта сучья кобыла беспризорная шлялась по лагерю и гадила повсюду* (НКРЯ: А. Иванов «Географ глобус пропил», 2002).

(2) *Николай Романович погладил рукою красивую морду лошади, а Чумаков посмотрел жеребцу в зубы и потом долго вполголоса говорил что-то со Степаном*

Ивановичем (НКРЯ: В. В. Брусянин «Дворянин Венчиков», 1916).

Обратим внимание на однонаправленность подобных замен: допускается замена *кобыла* → *лошадь*, но обратная замена *лошадь* → *кобыла* может привести к изменению смысла высказывания. В целом для многих синонимических пар, представленных в словарях синонимов, также характерна подобная однонаправленность (например, в любом контексте допустимы замены *недуг* → *болезнь*, но обратные замены *болезнь* → *недуг* не всегда возможны).

В некоторых контекстах гиперонимические и гипонимические реакции не могут функционировать как синонимы. Так, для стимула *рука* испытуемые предлагали реакции: *кисть* (28 реакций, 26 %), *конечность* (22 реакции, 21 %), *ладонь* (11 реакций, 10 %). Однако произведенные в высказывании (3) замены на предложенные гипонимы и гиперонимы приведут к изменению общего смысла.

(3) *Сел перед нами и... улыбнулся! "Мам! – Сын схватил меня за руку [?кисть, ?конечность, ?ладонь]. – Смотри, какие белые зубы! Как у папы!* (НКРЯ: «Даша», 2004).

Таким образом, для конкретных ИС характерен механизм расширения синонимических рядов за счет иерархических семантических связей, основанных на таксономических отношениях.

Для представленных **вещественных ИС** характерен схожий механизм расширения синонимии. Например, лексема *воздух*, трактуемая в словарях (в первом значении) как 'смесь газов (преимущественно азота и кислорода), из которых состоит атмосфера Земли; дыхательная среда человека, живого организма'⁷, по результатам эксперимента

⁷ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000. URL: <http://gramota.ru>. (дата обращения: 26.04.2022).

оказывается семантически связанной с гипонимами и гиперонимами *кислород* (55 реакций, 52 %), *газ* (20 реакций, 19 %), *среда* (2 реакции, 2 %). При этом в СС под редакцией А. П. Евгеньевой представлен только один синоним *атмосфера*, который является второй по частотности реакцией в анализируемом эксперименте (20 реакций, 19 %).

У абстрактных ИС и наименований лиц реализуется другой механизм расширения синонимического ряда. Например, синонимический ряд в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой состоит из двух слов *радость*, *отрада*⁸. В других словарях синонимов ряд расширяется: в словаре З. Е. Александровой – *радость*, (о чувстве) *ликование*, *торжество*, *праздник*, *праздничное настроение*, *эйфория* (книжн.); *веселье*; (то, что радует): *отрада*, *просвет*, *светлое пятно*, *улада* (трад.-поэт.), *утеха* (устар., прост.)⁹; в словаре К. С. Горбачевич – *радость*, *веселье*, *ликование*, *отрада*¹⁰; в словаре под редакцией Л. Г. Бабенко – *радость*, *ликование*, *отрада*, *торжество*; *радость*, *отрада*, *просвет*, *улада* (трад.-поэт.)¹¹.

В эксперименте он расширяется за счет несловарных синонимов: наиболее частотной реакцией на стимул *радость* становится слово *счастье* (47 реакций, 39 %). Выбор испытуемыми реакции *счастье* в качестве синонима вполне обоснован, так как семантика лексем *радость* и *счастье* сходна (о чем свидетельствуют их толкования). В толкованиях указывается, что оба состояния приносят удовольствие; при этом *счастьем* называется чувство радости,

а *радостью* является то, что доставляет счастье.

Счастье – состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо¹².

Радость – чувство удовольствия, удовлетворения. 2. То, что (или тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье¹³.

В корпусе эти слова часто употребляются совместно для описания состояния удовлетворения (см. высказывание (4)). При этом в некоторых контекстах лексема специально дифференцируются, например, в высказывании (5).

(4) *Вскопал ей грядки – и радость была полная, счастье было!* (НКРЯ: А. Азольский, «Новый Мир», 1998).

(5) *А рядом ее лицо посекундно менялось – от утренней радости к еще большему утреннему счастью* (НКРЯ: В. Маканин, 1998-1999)

Для **наименований лиц**, традиционно включаемых в состав конкретных ИС, характерно в наибольшей степени совпадение синонимических связей в лексиконе носителя языка, эксплицированных по результатам эксперимента, и словарной синонимии: 9 (82 %) стимулов этого разряда относятся к первой группе. При этом периферийные синонимические реакции, предложенные испытуемыми в ходе эксперимента по подбору синонимов, не представлены в СС. Так, наиболее частотными реакциями на стимул *друг* являются опорные синонимы *товарищ* (68 реакций, 42 %), *приятель* (39 реакций, 24 %), однако среди ответов отмечаются несловарные синонимы: *знакомый* (9 реакций, 6 %), *подруга* (7 реакций, 4 %), *брат* (7 реакций, 4 %), которые синонимичны в определенных контекстах. Например,

⁸ Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970-1971.

⁹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. С. 411.

¹⁰ Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка. М.: Эксмо, 2005. С. 383.

¹¹ Современный словарь русского языка. Синонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 90.

¹² Словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. IV, С. 320.

¹³ Там же. Т. III, С. 581.

синонимичность слов *друг* и *знакомый* проявляется в том, что, во-первых, встречаются высказывания, где слова взаимозаменяемы (см. высказывание (6)); а, во-вторых, в корпусе распространены примеры совместного употребления этих слов (см. высказывание (7)), когда говорящий сознательно их не дифференцирует, потому что он не может определиться со статусом конкретных людей.

(6) *Изрядно напившись, пьяные друзья едут в аэропорт, дабы проводить одного из знакомых на рейс до Ленинграда, но по ошибке туда отправляется не кто-нибудь, а именно Женя (НКРЯ: Форум «Ирония судьбы. Классика советского кино», 2009-2011).*

(7) *А как бы хотелось в это время сидеть за столом вместе с друзьями и знакомыми, есть любимый салат «Оливье», пить шампанское (НКРЯ, «100 % здоровья», 2002).*

В подобных случаях синонимы способны передавать важную для носителя информацию об описываемой ситуации, и каждый из них вносит определенные детали.

Таким образом, разряды ИС реализуют различные принципы формирования синонимических связей в лексиконе. Для конкретных и вещественных характерен логический механизм расширения словарных рядов, проявляющийся в создании отношений с гиперонимами и гипонимами, а для абстрактных ИС и наименований лиц – ситуативный механизм.

Перейдем к анализу результатов эксперимента на толкование слов. В настоящей работе будут представлены лишь выводы, которые касаются цели исследования; подробный анализ и обсуждение результатов дан в публикации (Белов, 2018).

Важный вывод, который можно сделать на основе этого эксперимента, касается распространенности синонимического и логического способов толкова-

ния. Синонимический способ (то есть использование синонима для объяснения значения стимула) превалирует у абстрактных ИС (530 реакций – толкований синонимического способа, 63 %), собирательных ИС (210 реакций этого типа, 69 %) и наименований лиц (180 реакций, 72 %). Примером такого способа толкования могут стать реакции *хворь*, *болезнь*, *заболевание* на стимул *недуг*. Логический способ толкования, предусматривающий логическое, иерархическое выделение компонентов значения слова, наиболее частотен для конкретных ИС (817 подобных реакций, 44 %). Так, на стимул *ладонь* даются такие реакции: *часть руки* (16 реакций, 15 %), *внутренняя часть кисти* (15 реакций, 14 %), *часть тела* (9 реакций, 8 %). Испытуемые, определяя стимул, соотносят его с понятиями верхнего уровня. Важно, что для этого слова в словаре также используется логическое толкование: *ладонь определяется как 'внутренняя сторона кисти руки'*¹⁴. Логический способ редко используется для абстрактных, собирательных ИС и наименований лиц.

По итогам этого эксперимента можно сделать вывод, что испытуемые не «раскладывают» на логические компоненты значение абстрактных ИС и наименований лиц, а подбирают синонимы, адекватно представляющие значение стимула. Конкретные ИС ограничены в синонимических связях (Покровская, 1999; Черняк, 1992), и испытуемые часто используют логический способ толкования, который демонстрирует их вовлеченность в логические, таксономические отношения.

Обсуждение результатов

Синонимические отношения формируются благодаря логическим и нелогическим механизмам, поэтому, проанализировав результаты двух

¹⁴ Словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. II, С. 160

экспериментов, мы выделили два типа оснований семантической близости. **Логическое основание** связано с рациональными процедурами последовательного, иерархического разложения значения на компоненты и предусматривает совпадение большей (основной) части компонентов в значении синонимов. В целом логическое основание достаточно подробно описано в традиционной лексикологии и лексикографии. Так, характеристика синонимов производится с опорой на интегральные и дифференциальные семантические признаки, представленные в значении синонимов и выраженные в словарных толкованиях (Кузнецова, 1982; Черняк, 1992). Семные компоненты, входящие в значение слова, могут также изучаться на основе данных ассоциативного эксперимента: значение описывается как совокупность сем с определенным индексом яркости, вычисляемым по количеству вербализовавших этот признак испытуемых (Стернин, 2011: 8). Выделяемые в значении семы (признаки) имеют разный статус: ведущие компоненты, занимающие важное место в структуре лексического значения и имеющие высокий индекс яркости (в концепции И. А. Стернина), называются ядерными. Синонимичность при таком подходе определяется количеством и статусом совпадающих признаков: синонимы имеют совпадающие ядерные семантические компоненты. Однако остаются дискуссионными вопросы о методологии выделения признаков (сем), представленных в лексическом значении, а также об объеме совпадающих признаков синонимов (см. обсуждения этих проблем в работах (Апресян, 2009; Apresjan, 1992)). Логическое основание семантической близости, которое применяется при описании языковой системы, используется носителями языка для формирования синонимических отношений в лексиконе. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты проведенных нами экспериментов. Логическое основание, во-

первых, проявляется в результатах эксперимента по подбору синонимов, где испытуемые предлагали реакции, находящиеся на разных ступенях семантической иерархии. Подобный выбор предполагает логические операции, связанные с выделением интегральных и дифференциальных сем. Во-вторых, это основание связано с распространённостью логического способа толкования, предполагающего отнесение к понятию верхнего семантического уровня и выделение отличительных признаков.

Логическое основание семантической близости характерно, прежде всего, для конкретных ИС. В целом у конкретных ИС, которые употребляются в разных ситуативных обстоятельствах, поэтому их тяжело «привязать» к определенной ситуации. Например, слова *вода*, *рука* могут употребляться в большом количестве ситуаций, которые сложно типизировать, поэтому носители языка используют логический способ интерпретации значения.

Ситуативное основание, связанное с интуитивным пониманием значения, предполагает более сложные для научного описания семантические процессы. Вероятно, ситуативное основание является исторически первым, и связано с более древними формами мышления. Синонимами при таком подходе называются единицы, способные выражать схожие с точки зрения носителя языка ситуации.

В нашем исследовании ситуативное основание семантической близости реализуется, во-первых, в результатах эксперимента по подбору синонимов, где испытуемые расширяют традиционные рамки словарной синонимии и подбирают реакции, способные обозначать схожую ситуацию; во-вторых, в использовании синонимического способа толкования, выделенного при анализе результатов эксперимента по толкованию стимулов.

Представим более детальное описание ситуативного основания, так как

в предшествующей литературе подобные механизмы не описаны подробно. Среди работ, где обсуждаются ситуативная природа значения, следует упомянуть работы представителей фреймовой семантики, Московской семантической школы и когнитивной лингвистики (Апресян, 2009; Кустова, 2004; Apresjan, 1992; Fillmore, 1985; Croft, Cruse, 2004).

В первую очередь, важно определить понятие ситуации, которое допускает различные трактовки. Термин *ситуация* многозначен в современной лингвистике. Выделяются несколько типов ситуации: денотативная («куски» внеязыковой действительности, описываемые отдельным высказыванием), сигнификативная (семантическое соответствие денотативной ситуации), коммуникативная (ситуация непосредственной коммуникации) (Касевич, 2006). В соответствии с широким пониманием термина ситуацией называется «кадр действительности, попадающий в поле внимания говорящего» (там же: 421), «сцена, которую можно обозреть одновременно» (Глезер, 1985: 226) или «кусочек действительности, реальной или только мыслимой, в котором некие объекты (люди, предметы, непредметные сущности) в какой-то момент времени и в каком-то месте связаны друг с другом определёнными отношениями»¹⁵. Ситуациями называются, по Ю. Д. Апресяну, действия (*читать*), занятия (*гулять*), процессы (*гореть*), состояния (*слепой*), отношения (*друг*), интерпретация (*ошибаться*) и т.д. (там же). Свойствами ситуации являются целостность, которая позволяет объединить объекты в целую картину, и типизация, достигаемая за счёт многократного повторения событий и состояний (Арутюнова, 2003).

Например, значение синонимического ряда *подарок, дар,*

гостинец в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка толкуется как ‘то, что один подарил или собирается подарить другому’¹⁶. Употребление синонимов этого ряда предполагает существование определенной ситуации, которую можно условно обозначить следующим образом: ‘субъект X передает другому участнику ситуации Y предмет Z, при этом X не требует ничего взамен’ (где предметом Z является подарок). См. обобщенное представление компонентов этой ситуации на Схеме 2. Вне данной ситуации употребление анализируемых синонимов невозможно: все синонимы этого синонимического ряда (*дар, презент, гостинец* и другие) реализуют данную ситуацию на уровне высказывания. Так, в высказывании (8), где употребляется синоним *подарок*, субъектом X являются актеры, а участником ситуации Y – архитектор Ф. И. Шехтель, предметом Z – серебряный сундучок. В примере (9) при употреблении слова *гостинец* реализованы все участники ситуации: субъектом X является Дед Мороз, участником Y – дети, а предметом Z – сладости. Участники этой ситуации могут быть представлены не в одном предложении, а в широком контексте.

(8) *Актеры подарили Шехтелю серебряный сундучок с изображением театра, он подарком очень гордился* (НКРЯ: О. Кабанова, «Известия», 2002).

(9) - *Я и на хоровод согласный. У тебя тут в мешке хорошо. И вкусным пахнет. А можно, я чуть-чуть гостинцев попробую? – Можно, – усмехнулся Дед Мороз. – Только не увлекайся, а то живот заболит. Да и о детишках подумай* (Ю. Макаров, «Мурзилка», 2001).

При этом каждый из синонимов детализирует общую для ряда ситуацию. По Новому объяснительному словарю синонимов русского языка, подарок обычно вручается по время праздника, а гостинец – по случаю прихода, гостинцем

¹⁵ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. М: Языки славянской культуры, 2003. С. XLVI.

¹⁶ Там же. С. 774.

нередко называют съедобный предмет, а даром – особо ценный предмет.

Схема 2. Компоненты ситуации синонимического ряда *подарок, дар, гостинец*

Figure 2. Components of the situation of the synonymic group *gift, bestowal, present*

Гостинец чаще всего вручается близким людям, а слово *дар* чаще употребляется в официальной речи. Главное слово ряда *подарок* обладает более широким значением и может быть употреблена для описания обобщенной ситуации, что проявляется, в частности, в способности доминанты заменять другие синонимы ряда (см., например, высказывание (10)). Субдоминантные синонимы, внося дополнительные характеристики ситуации, как правило, не способны заменять доминанту без потери важной информации и искажения смысла высказывания: в предложении (11) замена на синоним *гостинец* неуместна, так как книгу нельзя назвать гостинцем. В определенных коммуникативных ситуациях и контекстах говорящему важно дифференцировать синонимы, поэтому различия между ними выходят на первый план.

(10) *Потом она попросила передать раненым привезённые ею для сына гостинцы [подарки] и положила на*

стол две коробки шпрот, пакетик конфет (НКРЯ: В. Гроссман, 1960).

(11) *Симпатичная книжка с двумя романами – неплохой подарок [*гостинец] Василию Павловичу Аксенову к недавнему 75-летию, а также всем читателям* (Ю. Рахаева, «Известия», 2002).

Следует также разграничить понятия ситуации и фрейм. Фрейм – более широкое понятие: обычно фрейм предполагает объединение слов на основе знаний и опыта (Fillmore, 1985: 223-224). В этом понимании термин оказывается синонимичен другим терминам: *схема* (F. Bartlett), *сценарий (script)* (R. Schank, R. Abelson), *основание (base)* (R. Langacker) (Croft, Cruse, 2004). В рамках одного фрейма могут быть объединены не только синонимы, но и слова, относимые к одной лексико-семантической группе, семантическому полю. Разграничим понятия *ситуация* и *фрейм* на следующем примере. Фрейм ‘ресторан’ предусматривает участие официанта, посетителя и наличие меню, блюд и т.д. Однако слова *официант, посетитель, меню*, входящие во фрейм, нельзя рассматривать в качестве синонимов, так как их замена в контексте невозможна. Так, замена слов *официант, посетитель* и *блюда* в высказываниях приведет к непониманию. Фрейм предполагает несколько смежных ситуаций: официант и посетитель совершают разные действия в рамках этого фрейма, для этих участников этот фрейм интерпретируется как разные ситуации (то есть разные кадры, куски реальности, происходящей в ресторане). Например, официант обслуживает гостей заведения, а посетитель – заказывает в ресторане еду и напитки. Эти слова выражают разные ситуации в контексте, которые представлены с различных точек зрения.

Слово *ресторан*, связанное с ситуацией ‘торговое заведение, где возможность заказать еду и напитки’, синонимично словам *кафе, столовая,*

которые реализуют схожие ситуации (несмотря на отличающиеся детали, незначительные для говорящего при определенной коммуникативной стратегии). Например, в высказывании (12) говорящий не может дифференцировать эти синонимы.

(12) *Мы стояли в длинной очереди в **ресторане** или в **столовой** за какими-то черными галушками – мы их получали по карточкам* (НКРЯ: Л. Смирнова, 1997).

Таким образом, синонимы при реализации этого основания употребляются для передачи информации о ситуации. Синонимические связи, возможность их замены в контексте зависит от стремления говорящего детализировать и, напротив, нейтрализовать различающие компоненты ситуации. Сближение слов в тексте возможно за счёт того, что различающиеся компоненты в обозначаемой ситуации нейтрализованы для говорящего. Напротив, в определенных ситуациях, когда это предусмотрено коммуникативной стратегией языковой личности, требуется детализация, что препятствует синонимическим заменам. Коммуникативные стратегии говорящего во многом определяются жанром (Иссерс, 2008). Таким образом, ситуативное основание тесно связано, с одной стороны, с коммуникативными интенциями говорящего в конкретном высказывании и с его представлениями о действительности; с другой стороны, синонимические сближения возможны в рамках конкретной ситуации и высказывания. Представленные когнитивные основания синонимии обобщены в схеме 3.

Представленное здесь понимание ситуации, свойственной ИС, оказывается широким. В вербоцентрическом понимании языка считается, что ИС не способны выражать ситуацию в целом, а только называют субъекты и объекты ситуации (аргументы): «Сам по себе объект не задает ситуацию, так как этот

объект может вступать с другими в самые разнообразные отношения, участвовать в самых разных процессах, менять свои свойства» (Кобозева, 2004: 220).

Схема 3. Когнитивные основания лексической синонимии

Figure 3. Cognitive bases of lexical synonymy

Однако это положение требует уточнения и обсуждения. Во-первых, способность называть субъекты и объекты характерна преимущественно для конкретных, вещественных ИС и наименований лиц; соответственно, эти разряды в наименьшей степени способны выражать ситуацию; напротив, абстрактные ИС часто обозначают ситуацию в целом (Рахилина, 2008). Так, отглагольные ИС, обозначающие действия и состояния и относимые к абстрактным ИС, «семантически наиболее близкие глаголам» (там же: 36) и способны описывать ситуацию так же, как и глагол (Gurevich, Crouch, King, Paiva, 2008). Таким образом, в большей степени ситуативное основание отношений семантической близости характерно для абстрактных ИС.

Во-вторых, ИС, обозначая субъект или объект, может определять тип действия и другие параметры ситуации: достаточно часто предметы можно использовать лишь в определенных ситуациях, совершая конкретные действия: «Некоторые типы объектов (в первую очередь – артефакты) имеют специальные свойства и функции, которым соответствуют предикаты, обозначающие их способ функционирования или использования человеком» (Кустова, 2000: 8). Так, слово *барабанищик* называет не только человека, но и определенный тип его действий (см. толкование в Активном словаре русского языка: «Человек, играющий на барабане»¹⁷). В-третьих, для конкретных ИС и наименований лиц может быть характерна семантическая деривация, связанная с усилением ситуативной семантики. Например, первое значение слова *барбекю* («Жаркое, приготовленное на решетке, расположенной над углями»)¹⁸ является конкретным. Однако даже в конкретном значении слово не просто называет предмет действительности, но и предполагает определенную ситуацию (где наиболее важным моментом является приготовление этого продукта). Прочная связь наименования предмета с определенной ситуацией приводит к семантической деривации, что приводит к формированию второго, абстрактного значения («Отдых вне дома, увеселительная прогулка, когда готовят такое жаркое»)¹⁹, которое ситуативно по своей природе; см. высказывание (13), где эта лексема представляет определенный тип отдыха.

(13) *Здесь заменят бортовой камень и ограждение вдоль реки, обновят газон, устроят площадку для барбекю и поставят детский городок* (Н. Корчмарек, «Известия», 2012).

¹⁷ Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян: в 3-х т. М.: Языки славянской культуры, 2014-2017. Т. I, С. 155.

¹⁸ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000. URL: <http://gramota.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁹ Там же.

Оба основания часто реализуются при толковании слов в словарях. Логическое основание представлено при описании значения многих конкретных ИС. Например, при толковании значения слова *акула* («Хищная морская рыба, некоторые виды которой превосходят по размеру всех других рыб, с удлинённым телом, мощным хвостом и плавниками и большим ртом на нижней стороне головы, обычно с несколькими рядами зубов на верхней и нижней челюсти»)²⁰ представлено логическое основание. Синонимы в этом случае должны обладать такими же признаками и схожим толкованием, поэтому часто реализация этого основания приводит к ограниченности синонимических связей. Так, слово *акула* не формирует устойчивые синонимические связи, в высказываниях лексеме оказываются синонимичны гиперонимы *хищник*, *хищница*²¹. Ситуативное основание реализуется в следующем толковании слова *волшебник*: «Сказочный персонаж, который может совершать чудеса»²². В толковании задаются характерные для этого персонажа действия. Синонимами для носителя языка становятся те слова, которые обозначают персонажей, способных выполнять те же действия. В данном случае подобными словами становятся словарные синонимы (*маг*, *чародей*) и несловарные синонимы (*фокусник*, *волшебница*).

Однако логическое и ситуативное основания не всегда четко дифференцируются. Многозначные слова могут реализовать несколько оснований одновременно. Так, на базе конкретного значения слова *акула* сформировано переносное значение, которое в словаре представлено как «человек, готовый нарушить любые нравственные нормы ради наживы»²³ (оно реализует-

²⁰ Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян: в 3-х т. М.: Языки славянской культуры, 2014-2017. Т. I, С. 66.

²¹ Там же. С. 67.

²² Там же. Т. II, С. 235.

²³ Там же. Т. I, С. 67.

ся в высказывании (14)). Для переносного значения характерно ситуативное основание, благодаря которому формируются синонимические связи со словами *олигарх*, *воротила*, *делец*, *капиталист* (см. примеры контекстных замен в предложениях (15-16)).

(14) *Муж, можно сказать, рискуя собой, полез прямо в пасть к акулам империализма, а тут говорят о каком-то собрании. Мадам Иванько доставляет в контору заявление с просьбой отложить рассмотрение их жилищного вопроса до возвращения мужа из заграничной командировки* (НКРЯ: В. Войнович, 1976).

(15) *У Дугласа всегда хорошо получались финансовые воротилы («Оскар» за роль акулы Гекко в драме «Уолл-Стрит» Оливера Стоуна)* (НКРЯ: неизвест. автор, «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003).

(16) *Зачем пускать капиталистов, этих акул, этих грабителей пролетариата!* (НКРЯ: Г.А. Соломон (Исецкий), 1930).

В целом ситуативное основание семантической близости открывает более широкие возможности для синонимизации, так как оно не предполагает точного совпадения значения, а предусматривает интуитивную близость значения, основанную на возможности обозначать схожие с точки зрения носителя языка ситуации.

Логическое и ситуативное основания, вероятно, детерминированы физиологически и определяются работой полушарий человеческого мозга (см., например, работы (Черниговская, Деглин, 1986; Federmeier, 2007)): левое полушарие связано с логическим основанием, а правое полушарие – с ситуативным.

Заключение

В работе были рассмотрены когнитивные основания синонимических отношений имен существительных, то есть

механизмы, которые использует носитель языка для создания семантической близости слов. В исследовании синонимия рассматривается как когнитивное явление, поэтому для ее изучения используются, прежде всего, эмпирические методы, которые позволяют описать реальные синонимические отношения.

Проведенное исследование позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу, согласно которой в лексиконе носителя языка реализуются логическое и ситуативное основания семантической близости. Эти основания в разной степени релевантны для лексико-грамматических разрядов ИС: логическое основание семантической близости преимущественно характерно для конкретных ИС, а ситуативное основание наиболее ярко представлено для абстрактных ИС. Вместе с тем граница реализации этих оснований не всегда очевидна.

По всей видимости, выделенные основания проявляются в различных аспектах, связанных с лексическим значением, а на механизмы синонимизации слов значительно влияет коммуникативная стратегия говорящего, от которой зависит характер синонимических связей в конкретном тексте и коммуникативной ситуации.

Важным результатом работы является описание предрасположенности лексико-грамматических разрядов ИС к актуализации логического и ситуативного оснований. Предметная отнесенность, свойственная конкретным ИС, проявляется в стремлении говорящего упорядочить феномены действительности; это способствует развитию у ИС этого разряда логической категоризации и иерархических семантических связей. Отсутствие предметной отнесенности у абстрактных ИС приводит к более высокой степени неопределенности (диффузности) их лексического значения и, как следствие, к реализации ситуативного механизма семантической близости. В целом абстрактные ИС обладают более широкой

синонимической сетью, для данного разряда также свойственна наибольшая степень расхождения словарной и несловарной синонимии. Для наименований лиц, выделенных в составе конкретных ИС, характерно ситуативное основание; это свидетельствует о том, что данный класс ИС по семантическим признакам оказывается схож с абстрактными ИС.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: УРСС, 2003. 384 с.
- Белов В. А. Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 83-91.
- Бережан С. Г. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967. № XXVI (3). С. 264-268.
- Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М.: Наука, 1986. 126 с.
- Глазанова Е. В., Штерн А. С. Градуальное измерение вербальной лексики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4: Семантика и коммуникация. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 177-189.
- Глезер В. Д. Зрение и мышление. Ленинград: Наука, 1985. 246 с.
- Григорьева А. Д. Заметки о лексической синонимии // Вопросы культуры речи. 1959. № 2. С. 7-30.
- Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М., Л.: Наука, 1966. С. 4-29.
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные работы. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Звегинцев В. А. Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л.: Наука, 1963. С. 127-142.
- Иванова А. И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте: На материале журнальных статей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 22 с.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русского языка. М.: УРСС, 2008. 228 с.
- Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2-х томах. Т. 1. СПб: Филол. факультет Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2006. 664 с.
- Клюева В. Н. Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 1-9.
- Князева Ю. О. Корпусный анализ в исследовании синонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. № 14 (4). С. 165-169.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2004. 352 с.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филологических факультетов ун-тов. М.: Высшая школа, 1982. 215 с.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Лагутина А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 115-147.
- Лебедева С. В. Два подхода к исследованию лексической синонимии // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный ун-т., 1999. С. 68-73.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
- Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М.: Просвещение, 1964. 120 с.
- Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте. М.: Флинта, 2011. 344 с.
- Покровская Е. А. Лексическая синонимия в квантитативно-системном аспекте (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 170 с.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. М., Берлин: Direct-Media, 2015. 211 с.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2011. № 1. С. 5-13.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки. Труды по знаковым системам. 1986. № 19. С. 68-84.

Черняк В. Д. Синонимические связи слов в лексической системе русского языка: Дис. ... д-р. филол. наук. СПб., 1992. 388 с.

Apresjan J. Lexical semantics: user's guide to contemporary Russian vocabulary. Ann Arbor: Karoma, 1992. 633 p.

Clark E. The principle of contrast // Mechanisms of language acquisition / ed. by B. MacWhinney. New York: Academic, 1987. Pp. 1-33.

Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

Cruse A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.

Danglli L., Abazaj G. Absolute versus Relative Synonymy // Linguistic and communicative performance. 2009. № 2 (2). Pp. 64-68.

Edmonds P., Hirst G. Near-synonymy and lexical choice // Computational Linguistics. 2002. № 28 (2). Pp. 105-114.

Federmeier K. Thinking ahead: the role and roots of prediction in language Comprehension // Psychophysiology. 2007. № 44 (4). Pp. 491-505.

Fillmore C. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. 1985. № 6 (2). Pp. 222-254.

Greenbaum S. Some verb-intensifier collocations in American and British English // American Speech. 1974. № 49. Pp. 79-89.

Gurevich O., Crouch R., King T., Paiva V. de Verbal Nouns in Knowledge Representation // Journal of Logic and Computation. 2008. № 18 (3). Pp. 385-404.

Hirst G., Wang T. Near-synonym Lexical Choice in Latent Semantic Space // 23rd International Conference on Computational Linguistics. Proceedings of the Conference. Beijing, 2010. Pp. 1182-1190.

Inkpen D., Hirst, G. Building and using a lexical knowledge base of near-synonym differences // Computational Linguistic. 2006. № 32 (2), Pp. 223-262.

Jackson H. Words and Their Meaning. London: Longman, 1988. 279 p.

Kasevich V. Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka, (eds). Semantic and Lexical Universals // Studies in Language. 1997. № 21 (2). Pp. 411-416.

Lyons J. Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 376 p.

Murphy L. Semantic Relation and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 292 p.

Recanati F. Pragmatics and Semantics // The Handbook of Pragmatics / eds. by L. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell Publishing. 2008. Pp. 442-462.

Reiter E., Sripada S. Contextual influences on near-synonym choice // Natural Language Generation: Third International Conference. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2004. Pp. 161-170.

Sparck Jones K. Synonymy and semantic classification: Abstract of Ph.D. dissertation. Cambridge, University of Cambridge, 1964. 170 p.

Xiao R., Mcenery T. Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective // Applied Linguistics. 2006. № 27 (1). Pp. 103-129.

Zapico M., Vivas J. Synonymy from a linguistic-cognitive perspective. Measuring semantic distance // Onomazein. 2015. № 32. Pp. 198-211.

Zeng Xian-mo Semantic relationships between contextual synonyms // US-China education review. 2007. № 4 (9). Pp. 33-37.

References

Apresjan, J. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii: T. 1: Paradigmatika* [Research on semantics and lexicography: Vol. 1: Paradigmatics], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia. (In Russian)

- Arutyunova, N. D. (2003). *Predlozheniye i yego smysl (logiko-semanticheskiye problemy)* [Sentence and its meaning (logo-semantic problems)], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)
- Belov, V. A. (2018). Sposoby naivnogo tolkovaniya leksicheskogo znacheniya sushchestvitel'nykh [Ways of naive interpretation of the lexical meaning of nouns], *Verkhnevolzhsk philological bulletin*, 4, 83–91. (In Russian)
- Berezhnaya, S. G. (1967). Sovpadeniye otdel'nykh elementov smyslovoy struktury slov kak osnova sinonimichnosti [Coincidence of individual elements of the semantic structure of words as the basis of synonymy], *The Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*, XXVI (3), 264–268. (In Russian)
- Bragina, A. A. (1986). *Sinonimy v literaturnom yazyke* [Synonyms in the literary language], Nauka, Moscow, USSR. (In Russian)
- Glazanova, Ye. V. and Shtern, A. S. (1996). Gradual'noye izmereniye verbal'noy leksiki [Gradual measurement of verbal vocabulary], *Problems of modern theoretical and synchronous-descriptive linguistics. Issue 4: Semantics and communication*, Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, 177–189. (In Russian)
- Glezer, V. D. (1985). *Zreniye i myshleniye* [Vision and thinking], Nauka, Leningrad, USSR. (In Russian)
- Grigor'yeva, A. D. (1959). Zametki o leksicheskoy sinonimii [Notes on lexical synonymy], *Issues of the culture of speech*, 2, 7–30. (In Russian)
- Yevgen'yeva, A. P. (1966). Osnovnyye voprosy leksicheskoy sinonimiki [Basic questions of lexical synonymy], *Essays on the synonymy of the modern Russian literary language*, Nauka, Moscow, Leningrad, USSR, 4–29. (In Russian)
- Zalevskaya, A. A. (2005). *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannyye raboty* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected papers], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)
- Zvegintsev, V. A. (1963). Notes on lexical synonymy, *Questions of theory and history of language: Collection in honor of prof. B. A. Larina*, Nauka, Leningrad, USSR, 127–142. (In Russian)
- Ivanova, A. I. (2006). *Kontekstual'naya sinonimiya kak proyavleniye nominativnogo var'irovaniya v tekste: Na materiale zhurnal'nykh statey* [Contextual synonymy as a manifestation of nominative variation in the text: Based on journal articles], Abstract of Ph.D. dissertation, Tver State University, Tver, Russia. (In Russian)
- Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkogo yazyka* [Communication strategies and tactics of the Russian language], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kasevich, V. B. (2006). *Trudy po yazykoznaniiyu* [Papers on linguistics], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Klyuyeva, V. N. (1954). *Sinonimy v russkom yazyke* [Synonyms in the Russian language], *Russian Language at School*, 3, 1–9. (In Russian)
- Knyazeva, Yu. O. (2008). Korpusnyy analiz v issledovanii sinonimii [Corpus analysis in the study of synonymy], *Vestnik Kostroma State University*, 14 (4), 165–169. (In Russian)
- Kobozeva, I. M. (2004). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics], URSS, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kuznetsova, E. V. (1982). *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. (In Russian)
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language expansion], *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, Russia. (In Russian)
- Lagutina, A. V. (1967). Absolyutnyye sinonimy v sinonimicheskoy sisteme yazyka [Absolute synonyms in the synonymic system of the language], *Lexical synonymy*, Nauka, Moscow, USSR. (In Russian)
- Lebedeva, S. V. (1999). Dva podkhoda k issledovaniyu leksicheskoy sinonimii [Two approaches to the study of lexical synonymy], *Psycholinguistic studies of the meaning of the word and understanding of the text: Interuniversity thematic collection of scientific papers*, Tver State University, Tver, Russia. (In Russian)
- Novikov, L. A. (1982). *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. (In Russian)
- Palevskaya, M. F. (1964). *Sinonimy v russkom yazyke* [Synonyms in Russian], Prosveshcheniye, Moscow, USSR. (In Russian)

- Pesina, S. A. (2011). *Slovo v kognitivnom aspekte* [Word in the cognitive aspect], Flinta, Moscow, Russia. (In Russian)
- Pokrovskaya, Ye. A. (1999). *Leksicheskaya sinonimiya v kvantitativno-sistemnom aspekte (na materiale russkogo yazyka)* [Lexical synonymy in the quantitative-systemic aspect (on the material of the Russian language)], Ph.D. dissertation, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. (In Russian)
- Rakhilina, Ye. V. (2008). *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility], Russkiye slovari, Moscow, Russia. (In Russian)
- Sternin, I. A. (2011). *Psikholingvisticheskoye znachenie slova* [Psycholinguistic meaning of the word], *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series "Russian and foreign languages and methods of their teaching"*, 1, 5–13. (In Russian)
- Sternin, I. A. (2015). *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Problems of analysis of the structure of the meaning of a word], Direct-Media Moscow, Russia. Berlin, Germany. (In Russian)
- Cheremisina, M. I. (2004). *Teoreticheskiye problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems], Nauka, Novosibirsk, Russia. (In Russian)
- Chernigovskaya, T. V. and Deglin, B. L. (1986). *Metaforicheskoye i sillogicheskoye myshleniye kak proyavleniye funktsional'noy asimmetrii mozga* [Metaphorical and syllogical thinking as a manifestation of the functional asymmetry of the brain], *Uchenyye zapiski. Trudy po znakovym sistemam*, 19, 68–84. (In Russian)
- Chernyak, V. D. (1992). *Sinonimicheskiye svyazi slov v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka* [Synonymic connections of words in the lexical system of the Russian language], Sc.D. dissertation, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Apresjan, J. (1992). *Lexical semantics: user's guide to contemporary Russian vocabulary*, Karoma, Ann Arbor, USA. (In English)
- Clark, E. (1987). The principle of contrast, in MacWhinney, B. (ed.), *Mechanisms of language acquisition*, Academic, New York, USA, 1–33. (In English)
- Croft, W. and Cruse, A. (2004). *Cognitive Linguistics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (In English)
- Cruse, A. (1986). *Lexical semantics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (In English)
- Danglli, L. and Abazaj, G. (2009). Absolute versus Relative Synonymy, *Linguistic and communicative performance*, 2 (2), 64–68. (In English)
- Edmonds, P. and Hirst, G. (2002). Near-synonymy and lexical choice, *Computational Linguistics*, 28 (2), 105–114. <https://doi.org/10.1162/089120102760173625> (In English)
- Federmeier, K. (2007). Thinking ahead: the role and roots of prediction in language Comprehension, *Psychophysiology*, 44 (4), 491–505. DOI: 10.1111/j.1469-8986.2007.00531.x. (In English)
- Fillmore, C. (1985). Frames and the semantics of understanding, *Quaderni di Semantica*, VI (2), 222–254. (In English)
- Greenbaum, S. (1974). Some verb-intensifier collocations in American and British English, *American Speech*, 49, 79–89. <https://doi.org/10.2307/3087920> (In English)
- Gurevich, O., Crouch, R., King, T. and Paiva, V. de (2008). Deverbal Nouns in Knowledge Representation, *Journal of Logic and Computation*, 18 (3), 385–404. <https://doi.org/10.1093/logcom/exm070> (In English)
- Hirst, G. and Wang, T. (2010). Near-synonym Lexical Choice in Latent Semantic Space, *23rd International Conference on Computational Linguistics. Proceedings of the Conference*, Beijing, China, 1182–1190. (In English)
- Inkpen, D. and Hirst, G. (2006). Building and using a lexical knowledge base of near-synonym differences, *Computational Linguistic*, 32 (2), 223–262. <https://doi.org/10.1162/coli.2006.32.2.223> (In English)
- Jackson, H. (1988). *Words and Their Meaning*, Longman, London, UK. (In English)
- Kasevich, V. (1997). Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka, (ed.), *Semantic and Lexical Universals*, *Studies in Language*, 21 (2), 411–416. <https://doi.org/10.1075/sl.21.2.07kas> (In English)
- Lyons, J. (1995). *Linguistic Semantics: An Introduction*, Cambridge University Press,

Cambridge, UK.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511810213> (In English)

Murphy, L. (2002). *Semantic Relation and the Lexicon*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511486494> (In English)

Recanati, F. (2008). Pragmatics and Semantics, in Horn, L. and Ward, G. (eds.), *The Handbook of Pragmatics*, Blackwell Publishing, Oxford, UK, 442–462. (In English)

Reiter, E. and Sripada, S. (2004). Contextual influences on near-synonym choice, *Natural Language Generation: Third International Conference*, Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, New York, Germany, USA, 161–170. (In English)

Sparck Jones, K. (1964). *Synonymy and semantic classification*, Abstract of Ph.D. dissertation, University of Cambridge, Cambridge, UK. (In English)

Xiao, R. and Mcenery, T. (2006). Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective, *Applied*

Linguistics, 27 (1), 103–129.
<https://doi.org/10.1093/applin/ami045> (In English)

Zapico, M. and Vivas, J. (2015). Synonymy from a linguistic-cognitive perspective. Measuring semantic distance, *Onomazein*, 32, 198–211. (In English)

Zeng, Xian-mo (2007). Semantic relationships between contextual synonyms, *US-China education review*, 4 (9), 33–37. (In English)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Вадим Алексеевич Белов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия).

Vadim A. Belov, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of German Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia.